УДК 94(430).086:94(47).084.6

НАУМОВ Н.В.

К вопросу об отношении германских правительственных кругов к советско-финляндской войне

В статье исследуются некоторые стороны отношения правительственных кругов гитлеровской Германии к советско-финляндской войне, включая самого Гитлера, а также Геббельса, Риббентропа, генерал-полковника Гальдера. Прослеживается линия поведения германского правительства в отношении СССР и Финляндии в зависимости от внешнеполитических интересов самой Германии.

Ключевые слова: СССР, Финляндия, Германия, советско-финляндская война, международные отношения 1939 – 1940 гг.

Один из вопросов, часто обсуждающихся при исследовании причин, побудивших Гитлера решиться на большую войну против СССР, – это ход и результаты советско-финляндской войны. В рамках этого вопроса сохраняет некоторую смутность представление о том, как относились правительственные круги Германии к этой войне. В настоящей статье я намерен коснуться некоторых сторон этого вопроса, исследование которых позволит более точно определить ситуацию.

Позиция Германии в советско-финляндской войне предопределялась пунктом 1 «Дополнительного протокола» советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. Он гласил: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР ...»[1]. Таким образом, Германия предоставляла СССР свободу действий на территории Эстонии, Латвии и Финляндии. При этом, однако, следует указать на двойственность отношения Германии к советско-финляндской войне и действиям СССР в отношении Финляндии. Одно – это эмоциональное отношение к Финляндии в этой войне. Другое – политическая позиция.

Передавая впечатление от подписанного 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении, Маннергейм вспоминал: «Вера нашего народа в ценность дружбы между Германией и Финляндией, несмотря ни на что, была столь крепкой, что в широких кругах нашего общества пакт о ненападении посчитали стабилизирующим фактором и в финляндско-советских отношениях»[2]. Однако, как реальный политик, Маннергейм не мог не осознавать, что «нападение Германии на Польшу в сентябре 1939 года, развязавшее вторую мировую войну, означало, что и Финляндия должна попасть в «горячую зону» интересов русских»[3].

По воспоминаниям И. фон Риббентропа, «во время этой войны симпатии очень многих немцев, в том числе и Гитлера, были на стороне финнов. По-человечески это было понятно. Я тоже, помня о нашем братстве по оружию в первой мировой войне, сочувствовал финнам в их борьбе»[4]. То же утверждает и один из адъютантов А. Гитлера. «Симпатии Гитлера, – вспоминал Н. фон Белов, – несомненно, были больше на стороне Финляндии, чем России. Но он был вынужден проявлять сдержанность, ибо

договор о союзе с Россией заставлял его держаться нейтрально»[5]. Однако тут же рейхсминистр иностранных дел Германии оговаривался: «Но все-таки я старался, чтобы из этого спонтанного чувства, учитывая наши отношения с Советским Союзом, не возникли многие трудности для германской внешней политики»[6]. Таким образом, официальная позиция Германия обусловлена была прежде всего политическими интересами. Это было особенно важно в условиях начавшейся второй мировой войны. Достаточно определенно и жестко квалифицировал данную ситуацию фельдмаршал К.Г. Маннергейм: «Германия, которая еще во время московских переговоров заняла прохладную позицию, тщательно заботилась о том, чтобы война не помешала ее отношениям с Советским Союзом. Запись, которую сделал в своем дневнике министр иностранных дел Италии Чиано 8 декабря 1939 года о том, что Германия, якобы, передала Финляндии оружие, полученное в качестве трофеев в Польше, не соответствует действительности. Переговоры об этом закончились запретом на передачу оружия, наложенным полковником Гереслейтунгом»[7]. Финский главнокомандующий делает и соответствующие выводы из указанной выше позиции, занятой Германией. «…Поскольку Германия не разрешала этим странам провозить грузы через ее территорию, – пояснял он, – их также приходилось доставлять либо через Францию, либо через Англию или прямо по морю в норвежские порты, так что они частично прибыли к месту назначения в конце войны, а частично после заключения мира»[8].Политическая позиция высшего германского руководства нашла отражение и в реакции высших чинов германских вооруженных сил.

Политическая позиция Германии была выражена высшими официальными лицами нацистской Германии. Статс-секретарь Вейцзеккер в телеграмме, разосланной дипломатическим германским миссиям, настоятельно рекомендовал: «В беседах, касающихся финско-русского конфликта, пожалуйста, избегайте антирусского тона. В зависимости от того, с кем Вы беседуете, могут быть использованы следующие аргументы. Неизбежное развитие событий в сторону пересмотра договоров, заключенных после первой мировой войны. Естественная потребность России в укреплении безопасности Ленинграда и входа в Финский залив»[9]. Примечательна реакция официальных германских кругов на обращение Финляндии в Лигу Наций с жалобой на СССР. Германский статс-секретарь указывал в телеграмме, направленной графу Шуленбургу, германскому послу в СССР: «Обращение финского правительства в Лигу Наций – наименее подходящий способ разрешения кризиса… Следует сделать особое ударение на вине англичан в финско-русском конфликте. Германия не причастна к этим событиям. В ваших беседах должна высказываться симпатия относительно точки зрения русских. Пожалуйста, воздерживайтесь от выражения какой-либо симпатии в отношении финнов»[10].

Характеризуя позицию, занятую Гитлером, его адъютант вспоминал следующее: «29 ноября 1939 г. были прерваны дипломатические отношения между Россией и Финляндией. Гитлер следил за этим весьма скептически. Он исключал всякую возможность, что маленькая Финляндия выдержит натиск советских вооруженных сил и сумеет противостоять им. Фюрер читал все сообщения прессы о событиях на этом театре военных действий и требовал от наших дипломатов в Москве и Хельсинки как можно больше и точнее докладывать о них. На протяжении последующих месяцев он с удивлением констатировал, что война эта не приносит русским никаких успехов. Гитлер задавал себе вопрос: в состоянии ли Россия одержать верх над Финляндией, но так никогда и не смог ответить на него. Фюрер наблюдал за ходом событий и по еженедельным киножурналам, пытаясь получить более ясное представление о них. Но поступавшие к нему материалы были скупы и полного впечатления не давали.

12 декабря у Гитлера состоялось важное совещание, на котором сам я не присутствовал, но много слышал от Путткамера, рассказавшего мне подробности. Фюрер принял Редера и обсудил с ним северные проблемы. Насчет Финляндии оба были единодушны в том, что нельзя допустить ее поддержки через «ненадеж-

ную» Швецию. По отношению к русским следует проявить некоторую предупредительность...»[11].

Все цитированные выше фрагменты воспоминаний являются плодом уже более поздних оценок и переосмысления политических событий, связанных с советско-финляндской войной. В этом плане весьма ценной и более достоверно отражающей отношение высшего политического руководства Германии представляется реакция рейхсминистра пропаганды Й. Геббельса. Он оставил достаточно много заметок в своем дневнике в связи с советско-финляндской войной.

«Финляндия ведет себя так, – записал он 13 октября 1939 г., еще до начала войны, – будто хочет всерьез оказать сопротивление Москве. Но это, пожалуй, только театральный гром»[12]. Уже в этой записи трудно уловить какое-либо сочувствие в отношении Финляндии. Скорее, даже сам тон записи с некоторым оттенком презрения. Совершенно отчетливо Геббельс выразил свое отношение к Финляндии и ее конфликту с СССР в дневниковой записи 24 октября 1939 г. «Вступиться за Финляндию, – размышлял рейхсминистр, – у нас нет совершенно никаких причин. Сама же Финляндия в прошедшие годы вела себя по отношению к нам столь подло, что ни о какой помощи ей и речи быть не может. Впрочем, мы должны ясно сознавать, что нейтралы внутренне – против нас. Особенно те, которые когда-то принадлежали к старому германскому рейху. Они относятся к нам как эмигранты, у которых совесть нечиста. А потому: быть сильным и не уступать»[13]. В данной записи совершенно отсутствует какое-либо сочувствие, о котором упоминали Риббентроп и Н. фон Белов. Наоборот, Геббельс дает определенную мотивацию той позиции, которую занимает и должна занимать Финляндия. Кроме презрения к небольшим нейтральным государствам, в том числе Финляндии, здесь слышится как бы месть Германии по отношению к Финляндии за ее политическую позицию по отношению к Германии в предшествующие годы. Еще раз процитирую: «Сама же Финляндия в прошедшие годы вела себя по отношению к нам столь подло, что ни о какой помощи ей и речи быть не может». Более того, Геббельс убежден, что эта прошлая позиция Финляндии не случайна. Она и ныне остается таковой. И это политическая позиция вообще характерна для «нейтралов», т.е. для небольших государств (таких как Литва, Эстония, Латвия, Швеция, Норвегия, Финляндия). «Мы должны ясно сознавать, – процитирую еще раз, – что нейтралы внутренне – против нас. Особенно те, которые когда-то принадлежали к старому германскому рейху». Те же мысли и мотивы политической позиции Германии, враждебной в отношении Финляндии, Геббельс высказывает и в записи 11 ноября 1939 г.: «...Финляндия хнычет, что мы ей не помогаем. Но лимитрофы никогда не помогали нам, в Лиге Наций всегда голосовали против нас, а сегодня притихли только из страха...»[14]. Таким образом, позиция Геббельса и, по крайней мере, германской политической элиты объяснялась не только сиюминутной конъюнктурой, но и принципиальным политическим подходом к малым государствам. И «нейтралы» неспроста негативно относились к Германии: весь магистральный внешнеполитический курс Гитлера был направлен на ликвидацию независимых малых государств Европы.

Среди «нейтралов» первоочередную проблему представляли Норвегия и Швеция, через территории которых можно было англичанам и французам оказывать помощь Финляндии. Поэтому в начале войны Гитлер беспокоился о сохранении нейтралитета Норвегии, который был ему выгоден, как и шведский. В январе 1940 г. его уже встревожили слухи об англо-французском выступлении в защиту Финляндии. Поэтому Германия уже в это время всячески стремилась, во-первых, к скорейшему нанесению поражения Финляндии силами Красной Армии, а во-вторых, любым путем не допустить нарушения нейтралитета Норвегии и Швеции.

В последующих дневниковых записях Геббельс без всякого сожаления прогнозирует поражение Финляндии в конфликте с Москвой. «Финляндия грозит прекращением переговоров, – записал он 2 ноября 1939 г. – Но это ведь ей не поможет»[15]. И далее Геббельс продолжает следить за развитием событий в советско-финляндских от-

ношениях. «Конфликт Москва – Финляндия сложен, – отмечает он 18 ноября 1938 г. – Большевики утверждают, что финны обстреляли их территорию. Ха-ха-ха! С этим они связывают сформулированный с некоторыми оговорками ультиматум об отводе финских войск на 15 километров от границы. Финны упираются…»[16]. Геббельс следит за событиями, как будто бы уже точно зная, к чему они должны привести. Разумеется, ни он, ни другие высшие руководители Германии не заблуждались по поводу того, кто стрелял « в Майниле». И в день начала войны он записал: «Конфликт Финляндия – Москва, кажется, становится серьезным»[17]. Наконец то, что должно было произойти, произошло – началась советско-финляндская война. «Русско-финская война уже бушует, – записал 2 декабря 1939 г. в дневнике Геббельс. – Правительство Финляндии подало в отставку. Москва утверждает на границе контрправительство. …Лондон и Париж неистовствуют, однако заявляют, впрочем, что помочь Финляндии не могут. Слишком сильно они заняты нами»[18]. Такой ход событий очень устраивал германское руководство. Все складывается исключительно в интересах Германии: СССР занят в Финляндии и потому не способен что-либо сделать в тылу у Германии. Германское руководство заинтересовано в продолжении войны как можно дольше. «Русские в борьбе против Финляндии застряли, – записал Геббельс в своем дневнике 12 декабря 1939 г. – Но они опубликовали очень резкое заявление против английской блокады экспорта. …Днем у фюрера. Русские не продвигаются в Финляндии ни на шаг. Что ж, это хорошо, ибо таким образом они пока заняты»[19]. Примечательно мнение Гитлера: для него было важно, что СССР связан войной с Финляндией, «они пока заняты». Кроме того, у СССР обостряется конфликт с Великобританией. На это обращает внимание начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер. 13 декабря 1939 г. он записал в своем дневнике: «Конфликт с Финляндией толкает Россию в антианглийский лагерь»[20]. В последующих записях Геббельс постоянно акцентирует внимание именно на том, что Красная Армия оказалась втянутой в затяжные и кровопролитные бои с армией финской. 22.12.1939. «Слабые бои между русскими и финнами. Русские продвигаются медленно. Но, кажется, они все-таки своего добьются»[21]. 7.1.1940. «Русские крепко завязли в Финляндии»[22]. 19 января 1940 г. Геббельс вновь обнаруживает главную озабоченность германского правительства, от которой оно на время освободилось в связи с затяжкой советско-финляндской войны. «Русские совсем застряли в Финляндии, – записал он, – при этих сибирских морозах. Второго фронта в обозримое время бояться не приходится»[23]. Вот чего больше всего опасалось германское руководство – второго фронта на Востоке. Вот почему оно было так довольно тем, что Финляндия и СССР оказались связанными затянувшимися военными действиями. В период, когда в советско-финляндской войне обозначились сложности в связи с неподготовленностью Красной армии, в дневнике Геббельса 22 января 1940 г. появилась запись: «По всей видимости, русские находятся в отчаянном положении»[24]. Далее в некоторых записях Геббельса, касающихся советско-финляндской войны, слышится даже некоторая обеспокоенность положением СССР как воюющей стороны. «Вчера, – отметил автор дневника 23 января 1940 г., – …очень пессимистические сообщения о положении в Советской России. Боевая ценность Москвы весьма незначительна. …Финская кампания, а особенно наблюдающиеся до сих пор неудачи очень навредили России. Особенно глупости с правительством Куусинена»[25]. Примечательно, что если ранее германское руководство в лице Геббельса считало формирование «коммунистического правительства Финляндии» удачным ходом со стороны Москвы, то теперь, можно сказать, искренне сожалеет, что СССР делает «глупости». Далее записи о советско-финляндской войне исчезают со страниц дневника Геббельса, однако скупой на слова генерал-полковник Ф. Гальдер 12 февраля 1940 г. лаконично отмечает в своем дневнике: «…Крах Финляндии»[26].

Уже в январе 1940 г., осознавая, что, несмотря на самоотверженное и успешное сопротивление, в конечном счете Финляндия не может рассчитывать на победоносный для себя исход войны с СССР, когда численность и усилия Красной Армии на финском фронте будут резко увеличены и людские, и технические возможности Фин-

ляндии уже находились на пределе, финское правительство начало зондировать почву для окончания войны и заключения мира через «союзника» СССР Германию. Финские представители действовали через германского посла в Москве графа Шуленбурга. Однако германское правительство ни в коем случае не было заинтересовано в скором прекращении войны. И особенно оно не хотело выступать в качестве посредника. Официальная Германия всячески старалась демонстрировать советскому политическому руководству свою дружественность и верность союзническому долгу. «…Просьба Финляндии к нам – выступить с посредничеством до вмешательства Лиги Наций, – заметил 19 января 1940 г. в своем дневнике Гальдер. – Письмо Шуленбурга (германский посол в Москве) о предложении Таннера не отправлено. Фюрер не хочет никакого посредничества»[27]. Следует обратить внимание на то, что именно Гитлер, «фюрер не хочет никакого посредничества».

Однако в феврале 1940 г. ситуация осложнилась. Обеспокоенные начавшимися успехами Красной Армии на «финляндском фронте», что должно было привести к поражению Финляндии и заметному усилению позиций Германии и СССР в Скандинавии, Англия и Франция начали энергично готовиться к оказанию реальной вооруженной и технической помощи финнам. Такой ход событий, т.е. непосредственное вмешательство в войну английских и французских войск, был совершенно нежелателен ни для Германии, ни для СССР. Именно в это время Гитлер более серьезно заинтересовался оперативно-стратегическими аспектами «финского вопроса» для самой Германии. «Начальник центрального отдела сообщил, – сделал в связи с этим лаконичную заметку в своем дневнике 20 февраля 1940 г. генерал-полковник Гальдер, – что фюрер хочет поговорить с генералом Фалькенхорстом как специалистом по Финляндии»[28].

Учитывая заметные военные успехи и в то же время вероятность затягивания войны на длительный срок в случае стремления «советизировать» Финляндию, советское руководство решило отказаться от своей «программы-максимум», т.е. поставить во главе Финляндии «коммунистическое правительство Куусинена». Опасаясь затягивания боевых действий до непосредственного участия в них французских и английских вооруженных сил, и не только на севере, в самой Финляндии и Норвегии, но и в Закавказье, советское руководство и Германия решили пойти на подписание мира, требуя от Финляндии принять за основу те условия, которых Москва добивалась до начала войны. 5 марта 1940 г. генерал-полковник Гальдер уже располагал сведениями «о прощупывании возможностей прекращения войны между Россией и Финляндией»[29]. Он лишь констатировал ситуацию, никак ее не комментируя. Зато Геббельс 9 марта 1940 г. сделал в своем дневнике более пространную запись: «Финляндия ведет переговоры с Москвой о мире. Подробностей еще нет. Но в Лондоне очень обескуражены. Мы стоим пока с ружьем к ноге»[30]. Примечательна его ремарка «в Лондоне очень обескуражены». Это значило, что в тот момент германское руководство видело свой успех не в полном разгроме Финляндии, но в скорейшем заключении советско-финляндского мирного договора. Однако при этом оно стремилось ни в коем случае не обнаружить какого-либо своего враждебного, вооруженного поведения в отношении Финляндии. «Мы стоим пока с ружьем к ноге», – еще раз процитирую геббельсовскую запись. Германия, судя по этой записи, не исключала в качестве крайнего шага участия в военных действиях, но демонстрировала свое неучастие в вооруженных действиях против Финляндии. Очевидно, это был уже стратегический расчет на будущее сближение с Финляндией. То, что Германия все-таки приняла участие в достижении советско-финляндского мирного соглашения в качестве посредницы, Геббельс обнаруживает в своей записи 10 марта. «…Мирные переговоры Россия – Финляндия вступили в решающую стадию, – записал он. – Мы широко посредничали в этом деле и сильно в нем участвуем. Во всем обеспечивается большая секретность. В Лондоне и Париже неистовствуют. Ведь там так хотели, воспользовавшись историей с Финляндией, распространить войну на Скандинавию. В нашей прессе мы насчет этой темы помалкиваем. Только не суетиться и не растоптать снова нежные ростки

мира! Но мы должны обеспечить себе тыл против Англии»[31]. В данной записи одного из первых лиц в высшем руководстве Германии откровенно указываются главные побудительные мотивы, заставившие Германию проявить посредническую активность. Главное – не допустить распространения войны на Скандинавию. Угроза такого хода событий в ближайшей перспективе была слишком очевидна, чтобы не позаботиться о прекращении военных действий. В то же время Геббельс понимает, что советско-финляндский мир устраняет полную гарантию того, что Москва не предпримет «в тылу» Германии какие-либо действия, противоречащие германским интересам: «но мы должны обеспечить себе тыл против Англии». Геббельс неоднократно высказывает эти соображения и в последующих записях, постоянно акцентируя необходимость проявления Германией «сдержанности» в мирных переговорах между СССР и Финляндией. Наконец, с удовлетворением рейхсминистр подвел в своем дневнике своеобразный итог советско-финляндской войне. «Вчера, – т.е. 14 марта 1940 г., – мир России с Финляндией подписан. Финляндия хотя и понесла немалый ущерб, все-таки отделалась хорошим синяком под глазом. Для нас – большая дипломатическая победа. В Лондоне и Париже словно оцепенели. У нас великолепная пресса, и мы хорошо используем это. Нанесем такой удар, что только пух и перья полетят... В Лондоне и Париже царит траур»[32]. Таким образом, вся суть отношения Германии, точнее, германского высшего политического руководства к советско-финляндской войне сводилась к нанесению частного стратегического поражения Англии и Франции и отвлечению СССР от войны на Западе. И Гитлеру удалось этого добиться, сначала обеспечив СССР благоприятные условия для начала войны с Финляндией, а затем выступив посредником в заключении советско-финляндского мирного договора.

[1] 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 344.

[2] Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 2004. С. 264.

[3] Там же.

[4] Риббентроп И. фон. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998. С. 230.

[5] Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С. 272.

[6] Риббентроп И. фон. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998. С 230.

[7] Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 2004. С. 365–366.

[8] Там же.

[9] Аптекарь П. Советско-финские войны. Самые позорные в истории русского оружия. М., 2004. С. 342.

[10] Советско-германские отношения. Сборник документов. Т. 2. Вильнюс, 1990. С. 33–34.

[11] Белов Н. фон. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003. С. 272.

[12] Геббельс Й. Из дневников //Откровения и признания. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С 171.

[13] Геббельс Й. Из дневников //Откровения и признания. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 174.

[14] Там же. С. 176.

[15] Геббельс Й. Из дневников //Откровения и признания. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 175.

[16] Там же. С. 177.

[17] Там же. С. 178.

[18] Там же.

[19] Там же.

[20] Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки начальника Генерального Штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 1. М., 1968. С. 204.

[21] Геббельс Й. Из дневников //Откровения и признания. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 178.

[22] Там же. С. 179.

[23] Там же.

[24] Там же. С. 180.

[25] Там же.

[26] Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 1. М., 1968. С. 269.

[27] Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записки начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 1. М., 1968. С. 231.

[28] Там же. С. 282.

[29] Там же.С. 303.

[30] Геббельс Й. Из дневников //Откровения и признания. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С.183.

[31] Геббельс Й. Из дневников //Откровения и признания. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 183.

[32] Там же. С. 184.